

A dark, atmospheric scene featuring a hooded figure with small horns, seen from behind, holding a long sword. The figure stands on a rocky, uneven ground. In the background, a tall, ruined stone tower with arched windows rises against a dark, cloudy sky. A large, bright full moon hangs in the sky to the left of the tower. Bare, dark tree branches are visible on the far left. The overall mood is mysterious and ominous.

Ominayashi

*Два дерева у края
тени*

Ominayashi

Два дерева у края тени

«Автор»

2026

Ominayashi

Два дерева у края тени / Ominayashi — «Автор», 2026

«Два дерева у края тени» — толкиновская притча о любви и выживании на обочине великой войны, разворачивающаяся в землях к северу от Бри, куда ещё не дотянулась тень Мордора, но уже дотянулся страх. Хейли, дочь лесника из Карка-бри, и Минорн, бродяга северной крови, встречаются на ярмарке и сходятся не вспышкой, а медленно — как зреет мёд в улье. Они строят дом у ручья, колют дрова, сушат травы — и не знают, что мир за их холмами рушится. Чёрные Всадники ищут хоббита с Кольцом, орки-разведчики крадутся по ущельям, и тихая жизнь превращается в бегство: на запад, через Брендивин, в деревню у края Хоббитании, где можно переждать тьму.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Два дерева у края тени

Два дерева у края тени

Глава I. Близ Буггенской дороги

К северу от Бри, там, где Четвёртый тракт теряется среди вересковых пустошей и холмов, стоял дом, построенный из серого камня и старого дуба. Он прижимался к склону невысокой гряды, поросшей ольхой и боярышником, словно зверь, забившийся в нору от непогоды. Дым из его трубы поднимался над крышей неохотно, медленно — как будто и дым знал, что в тех краях безопаснее держаться тише.

В этом доме жили двое.

Хейли была дочерью лесника из Карка-бри — селения, что лежало восточнее, у отрогов Пограничных холмов. Волосы её были тёмные, цвета спелого ореха, и заплетала она их в тугую косу, которая тяжела к концу дня, как будто тоже уставала. Глаза — серо-зелёные, ясные, с той спокойной внимательностью, что бывает у людей, привыкших смотреть вдаль и замечать движение раньше, чем оно станет угрозой. Руки у неё были сильные и обветренные: она колола дрова сама, носила воду от ручья, знала, какая трава кладётся в снадобье от лихорадки и какая — от бессонницы. Но в этих же руках была и нежность — она умела осторожно держать раненую птицу так, чтобы не сломать ей крыло, и Минорн не однажды видел, как она чинила порванный рукав с таким тщанием, словно в каждом стежке заключала часть себя.

Минорн был из тех, кого в землях west от Бри звали «бродягами», а в землях east — «лесовыми». Он не принадлежал ни к одному селению. Отец его был северянин, из тех, чья кровь помнила ещё Арнор и его падение, а мать — женщина из деревни у Митейтеля, что сгорела в набеge, когда Минорну было десять зим. С тех пор он жил один, учился читать следы раньше, чем буквы, и знал запахи леса так, как иные знают буквы алфавита: каждый — по имени и значению.

Они встретились три года назад, на ярмарке в Бри, когда Хейли приехала продавать сушёные травы и мёд, а Минорн — шкуры и несколько хорошо выделанных поясов. Он стоял у края торгового двора, прислонившись к столбу, и не торговался — просто ждал. Она заметила его потому, что он не смотрел на неё, как другие, — не с оценкой и не с любопытством, а как смотрят на новое дерево в лесу: отмечают, где стоит, куда клонит ветви, и идут дальше. Это показалось ей любопытным. Она подошла и спросила, не знает ли он, где можно купить хорошую точильную оглаву — у неё притупился нож. Минорн ответил, что знает, но место это не близко и идти туда лучше с провожатым. Она сказала: «Так будь им». И он был.

То была не вспышка, не молния — нет. Любовь между ними зрела медленно, как зреет мёд в улье: слой за слоем, день за днём. Он остался в тех краях, построил дом — сперва шалаш, потом времянку, потом настоящий дом, — и не звал её к себе, и не просил. Она приходила сама: сперва с травами, потом с хлебом, потом без ничего, просто потому, что река за его домом текла тише, чем за её, и небо над холмом было шире. Однажды вечером, когда они сидели у огня и он чинил ей стремя, а она сушила волосы, он сказал, не поднимая глаз: «Я хотел бы, чтобы ты осталась». Она ответила: «Я уже осталась». И больше об этом не говорили.

Ко времени, с которого начинается этот рассказ, — а это была осень того самого года, когда тёмные вести пришли с юга и восток, — они жили вместе уже два года. Дом их был невелик, но прочен. Запасы на зиму они держали в погребе, вырытом в склоне: мешки с мукой, бочонки с солониной, связки лука и чеснока, несколько горшков мёда, сушёные яблоки и груши. У Минорна был лук из тиса, и стрелы он делал сам — прямые, с березовым оперением.

У Хейли был нож, который она носила на поясе, и умение им пользоваться, и ещё — праща, которую она освоила ещё девочкой, стреляя по белкам в отцовском лесу.

Они знали, что мир неспокоен. Знали, но не ведали — как не ведают люди, что живут в стороне от больших дорог, — какова мера этого беспокойства и куда оно клонится. Странники, заходившие в Бри, рассказывали о Чёрных Всадниках. Купцы, ездившие к югу, привозили слухи о войне в далёких землях. Но всё это было далеко, и осень стояла золотая, и мёд в ульях был сладок.

Глава II. Чёрные Всадники

Первая тревога пришла в сентябре.

Минорн вернулся с охоты раньше обычного — с пустыми руками и лицом, какого Хейли не видела у него прежде. Не испуганным — нет, Минорн не пугался легко. Но напряжённым, как тетива перед выстрелом. Он сложил лук, повесил его на крюк у двери и только тогда сказал:

— Я видел след.

— Чей?

Он помолчал. Потом:

— Коня. Большого. Подкованного — но подковы не кузнечные, Хейли. Они не звенят по камню, как должно. Они... гасят звук. Я слышал, как копыта ступали по гальке у ручья — и почти ничего.

Хейли перестала месить тесто. Руки её замерли в муке.

— Один конь?

— Один след. Но шёл он не как заблудившийся. Шёл он как ищущий. Он шёл по дороге, потом свернул на тропу, потом — снова на дорогу. Иди туда, иди сюда. И направлением держал — на запад. К Хоббитании.

Она вытерла руки о передник.

— Ты думаешь, это один из тех, о ком рассказывали в Бри?

— Я думаю, — сказал Минорн, — что не хочу, чтобы ты ходила одна к ручью, пока мы не узнаем больше.

Это было его способом сказать «я боюсь за тебя». Он никогда не произносил этих слов. Хейли знала это и не требовала. Она просто кивнула и сказала:

— Тогда завтра пойдём вместе.

На следующее утро туман лежал в низинах, как молоко в миске. Солнце ещё не поднялось над холмами, и трава была мокрой, и каждая паутина на кустах боярышника блестела, как ожерелье из мелких бриллиантов. Они шли гуськом по узкой тропе, и Минорн впереди, и Хейли за ним, и оба молчали, потому что в тумане слова звучат слишком громко.

Тропа вела вниз, к ручью, который они называли Серебряной нитью — за то, что в полуденном свете вода в нём казалась вытканной из серебра. Сегодня ручей был тёмный от тумана и тени. Берега его были сырые, и мох на камнях — тёмно-зелёный, почти чёрный.

Минорн остановился. Присел на корточки. Хейли подошла ближе и тоже увидела.

След. Отпечаток подковы на мягком берегу. Чёткий, глубокий — конь был тяжёлый, тяжелее обычной лошади. И — странное дело — рядом с следом не было отпечатков копыт: только один, как будто конь ступил здесь один раз и исчез. А дальше — снова один, через несколько шагов. И ещё. И ещё.

— Он не шёл, — тихо сказал Минорн. — Он ехал. Но следы... они как будто через шаг.

— Как будто конь хроمال?

— Нет. Хромой конь оставляет следы разной глубины. Здесь — одинаковые. Просто... пропуски.

Он поднял глаза. Лицо его было бледно.

— Хейли, иди домой. Возьми лук и все стрелы. Возьми еду на три дня и спрячься в погребке. Я пойду по следу и вернусь к вечеру.

— Нет.

— Хейли...

— Нет. Если ты идёшь по следу, я иду с тобой. Если мы прячемся — мы прячемся вместе. Не проси меня сидеть в темноте и считать удары сердца, ожидая, когда ты вернёшься. Я этого не умею.

Он посмотрел на неё — и в его глазах было то, что бывает в глазах человека, который хочет возразить и не может, потому что знает, что она права. Он кивнул.

Они шли по следу до полудня. След вёл на запад, вдоль Пограничных холмов, потом — через пустоши, где вереск уже начинал буреть и ронять цветы. Ветер дул с севера, и в нём не было тепла. Небо было белёсо-серым, и облака лежали низко, как потолок в низком зале.

К середине дня след привёл их к развалинам старого моста через пересохшее русло. Здесь, в тени каменных арок, Минорн остановился и приложил палец к губам.

Хейли услышала.

Топот. Одинокий, мерный, приближающийся. И вместе с топотом — холод. Не ветер, не тень от облака — а холод, который шёл от звука, как жар идёт от угля. Он забирался под одежду, трогал кожу, проникал в кости.

Минорн схватил её за руку и потащил за каменную опору моста. Они прижались к холодному камню. Минорн закрыл глаза. Хейли тоже закрыла — и увидела за веками темноту, более тёмную, чем должна быть. Темноту, которая имела вкус — горький, металлический, как ржавчина на языке.

Топот прошёл. Прошёл мимо них, не замедлив, не свернув. Стук копыт по камню — и тишина, как будто звук не просто стих, а был поглощён.

Они не двигались ещё долго. Минорн первым открыл глаза и посмотрел на Хейли. Лицо его было белым, как молоко на траве утром, и на лбу выступила испарина.

— Ты видела? — прошептала она.

— Нет. Я не смотрел. Я не мог.

— Я видела. Сквозь щель между камнями. Тень. Всадник в чёрном плаще. Лица не было — только тьма под капюшоном. И конь... конь был огромный и чёрный, и глаза у него были красные, как угли. Он...

Она не договорила. Руки её дрожали. Минорн взял их в свои и держал — крепко, как держат что-то, что может разбиться. Он не сказал «всё хорошо». Он не сказал «не бойся». Он просто держал её руки и молчал, и в этом молчании было больше, чем в любых словах.

Потом он сказал:

— Их больше одного. Я слышал от торговцев в Бри — их девять. Девять Всадников в чёрном.

— Девять, — повторила Хейли, и голос её был тих, как ветер в траве. — И все они едут на запад?

— На запад. И они что-то ищут.

Они вернулись домой к закату. Солнце садилось за холмы, и небо горело — не золотом, а багрянцем, тёмным и тяжёлым, как кровь. Хейли смотрела на закат и думала, что такого цвета небо не бывает без причины. Она не знала причины. Но чувствовала её — как чувствуют приближение грозы по тяжести в воздухе, когда грома ещё нет и молний ещё нет, а голова уже болит и собака поджимает хвост.

Глава III. Свет на дальнем холме

Прошло две недели. Чёрные Всадники проехали — Минорн нашёл их следы уходящими на запад, в сторону Хоббитании, и больше не видел новых. Но покой не вернулся. Что-то изменилось в воздухе, в небе, в деревьях. Птицы пели тише. Олени в лесу держались ближе друг к другу и уходили при малейшем шорохе. Лисы, которые раньше подходили к дому по ночам за обедами, исчезли.

Минорн стал уходить на разведку чаще — поднимался на Башенный холм, самую высокую точку в окрестностях, с которого в ясный день видно было дым над Бри и — если очень повезёт — зеленоватую полосу Хоббитании на горизонте.

Однажды вечером он вернулся и не стал разжигать огонь. Сел на порог и смотрел на звёзды. Хейли вышла к нему и села рядом.

— Я видел свет, — сказал он.

— Какой?

— На западе. Далеко, за Пограничными холмами. На высоком холме — кажется, это Заверть, та, что хоббиты зовут Амон Сул. Вспышка. Сначала — зарево, как будто кто-то зажёл костёр, но не оранжевый, а белый. Потом — вспышка. Резкая, яркая, как молния, но без грома. И потом — ещё одна. И ещё. Три вспышки. И потом — темнота.

— Молния?

— Нет. Молния бьёт сверху вниз. Это било снизу вверх. И цвет... Молния — белая или синяя. Это было — не знаю. Словно кто-то поднял к небу факел, и факел горел звёздным огнём.

Хейли молчала. Она знала, что Минорн не выдумывает. Он не был из тех, кто принимает туман за призрака или тень оленя — за чудовище. Если он говорил, что видел свет — он видел свет.

— Что это значит? — спросила она.

— Не знаю. Но я знаю, что Всадники ехали на запад. И свет был на западе. И что-то там происходит — что-то, чего мы не видим, но что касается нас всех.

Он повернулся к ней. В темноте она не видела его лица, но слышала голос — а в голосе было то, что он не умел прятать: тревога не за себя, а за неё.

— Хейли, — сказал он, — если придёт время и нам нужно будет бежать — ты будешь готова?

— Я готова сейчас, — сказала она. — Я держу мешки собранными с того дня, как мы видели Всадника.

— Хорошо.

Они сидели на пороге ещё долго. Звёзды горели ясно и холодно, и среди них — одна, самая яркая, стояла низко над западным горизонтом, и Минорн думал, что она похожа на тот свет, что он видел на холме, только тише и добрее. Как будто кто-то в далёком крае зажёл огонь и держал его высоко, чтобы те, кто в темноте, знали: не всякий свет погас.

Глава IV. Орки

Первая беда пришла не с запада, а с востока.

В октябре, когда листья на дубах стали медно-рыжими, а на березах — лимонно-жёлтыми, и папоротник по оврагам лежал коричневый и ломкий, Минорн нашёл следы, которые не хотел находить. Он был на охоте — шёл за оленем по тропе, что вела к каменным ущельям у восточного склона Пограничных холмов — когда увидел на земле отпечатки ног. Не человеческих. Не эльфийских. Не хоббитских. Короткие, кривые, с глубокими следами когтей.

Орки.

Он остановился, присел, тронул землю пальцами. След был свежий — не старше ночи. Три пары ног, может — четыре. Они шли с востока, пересекли тропу и спустились в ущелье. Куда — он не знал. Зачем — не хотел думать. Думал только: они близко. Они ближе, чем Всадники. Всадники проехали и ушли. Эти — пришли и остались.

Он не стал преследовать. Он вернулся домой, и шёл быстро, почти бежал, и проклинал себя за то, что оставил Хейли одну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.